

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА
ГАЛИНА ВИНОГРАДОВА

ПЫЛАЮЩИЙ
СИМВОЛ

ТОМ

Пылающий символ

Анна Князева

Пылающий символ. Том 2

«Автор»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

Князева А.

Пылающий символ. Том 2 / А. Князева — «Автор»,
2022 — (Пылающий символ)

ISBN 978-5-222-38663-7

На круизном лайнере в Средиземноморье происходит загадочное убийство. Элину Коган, бывшую сотрудницу израильской военной прокуратуры, подозревают в косвенном соучастии. Однако после покушения на нее саму девушка начинает собственное расследование и сталкивается с невидимым, но сильным противодействием. Поиски преступника приводят Элину к тайне, связанной со старинными пергаменами. Они хранят информацию, способную поколебать веру в Спасителя. К тому же выясняется, что за крамольными документами охотятся сотрудники Ватикана и члены радикальной христианской группировки... В действительности же эта таинственная история началась еще в Древнем Риме, в доме гостинщика из Дрепана. В то время Римская империя теряла территории, ее раздирали алчные узурпаторы и дикие племена. Однако судьба империи решалась не в столице, а в маленьких городах. Провинциалы из небогатых семей делали головокружительную карьеру, спасали отечество и создавали Новый Рим, определяя будущее Европы и Средиземноморья. В романе история далекого прошлого причудливо переплетается с событиями наших дней. Главные герои настоящего и прошлого расследуют преступления, переживают опасные приключения, любят и ненавидят...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

ISBN 978-5-222-38663-7

© Князева А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Capitolo XII	7
Capitolo XIII	19
Capitolo XIV	29
Capitolo XV	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Князева, Галина Виноградова
Пылающий символ. Том 2

Детективный роман

© Князева А., текст, 2022

© Виноградова Г., текст, 2022

© ООО «Феникс», оформление, 2022

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии

* * *

Capitolo XII

Римская империя.

Декабрь 270 года – ноябрь 271 года

Рынок в Наиссе славился шерстью. На улице, ведущей к форуму, располагалось множество лавок, предлагавших жителям города шерсть в любом виде: мытую, чесаную, тонкорунную, грубую, белую и окрашенную.

Клавдия привела Елену в лавку Евтропия, торговавшую шерстяными нитями. Там в корзинах лежала пряжа блеклых цветов.

– А почему не торгуете яркой? – поинтересовалась Елена.

– Это баловство, – ответила Клавдия. – Красители нынче недешевы. Покрасить недолго, да вот только дорогие нитки покупатели брать не будут!

– Однажды постоялец нашего мансио приказал фуллонам выкрасить его полотно в красный цвет, – стала рассказывать Елена. – Я отыскала в библиотеке отца рецепт и купила красители. Конечно, в портовом городе выбор больше и цены ниже, но их можно поискать и в Наиссе.

В ответ Клавдия по-доброму улыбнулась:

– Ну, что же, попробуй, дочка.

В тот же день в сопровождении раба Оригена Елена отправилась в публичную библиотеку, здание которой возвышалось над форумом. Она бесшумно скользила в мягких калыцях по мраморному полу вестибюля мимо бюстов великих авторов, но задержалась лишь у Эзопа, высеченного из лунского мрамора¹. Глядя на него, с улыбкой припомнила, как отец читал его басни, голосом изображая животных.

Сердце сжалось от тоски. Здоровы ли отец и Иосиф? И что она делает в этом холодном краю, среди незнакомых людей? Где Констанций, какие тяготы он переносит?

Елена вытерла слезы и, отогнав печальные мысли, вступила в огромный зал. Ей тут же пришлось зажмуриться от яркого света, который лился откуда-то сверху. Когда она открыла глаза, то увидела многочисленные книжные шкафы, разделенные пилястрами². Узкая галерея опоясывала помещение, давая доступ к свиткам на втором этаже.

Служитель проводил Елену к шкафам, где были размещены описания путешествий на греческом языке.

Преисполненная благодарности, она спросила библиотекаря:

– А на втором ярусе хранятся сочинения на латыни?

Пожилый служитель улыбнулся наивности юной читательницы:

– Наверху хранятся городские архивы.

Елена отыскала свиток Дионисия Фракийского и устроилась за столом в центре читального зала. Было холодно, однако теплая пенула ее согревала. Прокрутив свиток до нужного места, Елена переписала рецепты красителей на восковую дощечку.

Все необходимое для приготовления она отыскала в крошечной лавочке на форуме.

Скучающий торговец посетовал:

– Местные жители не оценили мой превосходный товар и предпочитают красить шерсть свеклой и сеном. Для такой благородной матроны, как вы, я сделаю скидку на корень марены³ и белую землю⁴. Могу раскрыть секрет, который сделает красный цвет необыкновенно глубо-

¹ Лунский (лунийский, каррарский) мрамор – добывается в Северной Тоскане и считается одним из ценнейших сортов мрамора.

² Пилястра – четырехгранная полуколонна, одной гранью вделанная в стену.

³ Марена – растение, в корнях которого содержится краситель крапотового цвета.

⁴ Белая земля – квасцы.

ким. – Он заговорщицки понизил голос: – Перед окраской пропитайте нити водой с добавлением оливкового масла. Вы вспомните обо мне и еще не раз придете в мою таберну!⁵

Вернувшись в родительский дом Констанция, Елена с порога радостно сообщила:

– Я нашла старинные рецепты и купила двадцать мин⁶ сушеной марены!

Свекровь поджала губы, не одобряя своеволие невестки.

Но Елена обняла ее, уговаривая:

– Ты столько всего знаешь, матушка. Научи меня красить нити!

Слово «матушка» само выскочило из уст Елены и растопило сердце Клавдии, она обняла невестку и пообещала:

– Завтра пойдем в красильню и опробуем твой рецепт.

Окрашивание нитей оказалось трудоемким и долгим делом. Только к Сатурналиям⁷ корзина с клубками изумительного красного цвета оказалась в магазине Евтропия. Несмотря на высокую цену, пряжа была раскуплена в течение дня.

Сатурналии – праздник, который предписывал веселиться хозяевам и рабам всю неделю. Родители Констанция преподнесли Елене традиционные подарки – забавные восковые фигурки – и пригласили в храм Сатурна совершить совместное жертвоприношение. И тут ей пришлось признаться, что она христианка и чтит единого Бога.

Lawrence Alma-Tadema – Preparations for the festivities, 1866

Евтропий и Клавдия недовольно переглянулись и ушли без нее.

⁵ Таберна – магазин, лавка.

⁶ Мина = 436,6 г.

⁷ Сатурналии – ежегодные празднества в честь Сатурна, проводились после уборки урожая, с 17 по 23 декабря.

Когда в лабиринте рудничных туннелей во мраке и тишине Констанций осознал, что благородный легат Сервий Юлий провел его, как мальчишку, злость выбила из него остатки страха.

Но он был жив и хорошо помнил дорогу от грота до деревянного настила через провал. Если он туда доберется, то будет спасен. Констанций снял шарф, подарок отца, подрезал нить и, распустив вязание, смотал нить в клубок. Свободный конец зацепил за выступ и, разматывая клубок, осторожно двинулся вперед. Каждый тупиковый ход Констанций помечал кучкой камней, а нить возвращала его в исходную точку.

Духота вытягивала силы, лабиринт его вымотал, время исчезло. Констанций сел на землю и сделал несколько глотков из фляги. Воды осталось совсем немного.

Ощувив едва заметное движение воздуха, он встал и, нащупывая путь ногой, побрел навстречу потоку. В конце концов это спасло ему жизнь: при очередном шаге нога не нашла опоры. Констанций отшатнулся назад, присел на корточки и обследовал рукой край провала. Он бросил камень, звук падения раздался через семь ударов сердца. Внезапно его осенила мысль: помост через провал, по которому они прошли к семнадцатой штольне, убрали по приказу легата. Значит, он на правильном пути. Чтобы оказаться на свободе, надо преодолеть это препятствие.

Слева стена обрывалась в пустоту, а вот справа Констанций нащупал узкий карниз. Мысленно произнес короткую молитву: «Тебе, Иисус, вручаю свою судьбу» – и, прижавшись спиной к стене, ступил на карниз. Он сделал восемь маленьких шагов, на девятом карниз оборвался в бездну. Констанций набрал в легкие воздуха, оттолкнулся и полетел. Он жестко приземлился на другой стороне провала, ободрал колени и руки, но это уже не имело никакого значения.

Где-то впереди должны быть ступени.

Сотня осторожных шагов в темноте – и Констанций спустился на нижний уровень. Несколько минут он стоял и просто упивался сладостным воздухом, как вдруг услышал звук хлопнувшей двери и шаги. Из-за далекого поворота сочился слабый свет, который показался ему ярче солнца. Констанций дождался, пока затихнут шаги, и двинулся к боковому проходу, где слабый свет позволил увидеть нишу, в глубине которой пряталась грубо сколоченная дверь. Он толкнул ее и шагнул в темноту.

Констанций ощупью исследовал помещение, где вдоль стен тянулись полки со свитками и пачками прошитых документов. Эта находка навела его на мысль о настоящем учете, который велся в потаенной комнате в глубине рудника. Он взял наугад первый попавшийся свиток, сунул его за пазуху и вышел, прикрыв за собой дверь.

Через несколько минут, к немалому удивлению охранников, Констанций появился в гроте, сказал, что утром отстал от группы легата, показал свой мандат и потребовал коня. Было уже темно, и по всему выходило, что он блуждал в подземелье больше шести часов.

Когда Констанций достиг лагеря в Апулуме и вошел в жилище своих кавалеристов, они уставились на него, как на привидение.

– Ты жив, командир?! – декурион не скрывал своей радости. – Префект лагеря сообщил, что ты упал в пропасть, и приказал нам всем убираться.

– Еще повоюем! – пообещал Констанций.

В своей комнате он развернул похищенный свиток и понял, что это отчет о добытом золоте за весь предыдущий год. В нем были отметки об обозах, отправленных через Траянов мост, а также о перевозках через Данубий в Ратиарию, о которых государству не сообщалось. Таким образом, подозрения Констанция подтвердились. Тем же вечером он вместе с декурионом составил план дальнейших действий.

Ранним утром выздоровевший квестор выдал декуриону Констанция стопку тяжелых липовых кодексов, и декурия⁸, усиленная парой выучных лошадок, покинула каструм Апулума. Однако направилась она не на юг, как было заявлено легату Сервию Юлию, а к золотому руднику.

У ворот форта Констанций разделил декурию на две группы: пятеро остались с лошадьми, получив наказ никого не выпускать, остальные последовали за своим командиром.

Carle Vernet (French, Bordeaux – The Triumph of Aemilius Paulus, 1789 (detail)

Констанций сунул в лицо префекту форта письмо императора, оттолкнул часового и, не обращая внимания на протесты, вошел со своими солдатами в рудничный туннель. Они добрались до тайной комнаты, где сидел пожилой квестор. При виде военных тот схватил масляную лампу и бросил ее на свитки. Констанций скинул лампу на землю, затоптал огонь и, оглушив квестора, оставил его лежать в стороне.

Люди Констанция сгребли в мешки все, что лежало на полках, и не мешкая двинулись к выходу.

У ворот Констанций рыкнул на префекта форта:

– До полудня никого не выпускать! – И скомандовал своим легионерам: – Декурия, рысью марш!

– Ты действительно думаешь, что они будут ждать до полудня? – спросил декурион, который скакал рядом.

– Конечно нет. Но немного времени мы выиграем. Доберемся до ближайшей станции в Бландиане, поменяем лошадей, и тогда догнать нас будет непросто.

Вскоре задул пронизывающий, холодный ветер, и серое небо стало ронять снежинки.

– Метель будет, – сказал декурион. – Точно знаю, я из этих мест.

Когда до ближайшего городка оставалось всего пять миль, замыкающий крикнул:

– Командир! За нами погоня!

Констанций оглянулся и увидел вдали, на изгибе дороги, цепочку всадников.

– Не меньше турмы, – оценил он и отдал команду: – В галоп!

⁸ Декурия – отряд численностью 10 человек.

Усталые кони прибавили скорости, и скоро промелькнул мильный столб. Осталось четыре мили, снег пошел гуще, и поднялась метель. За ледяными хлопьями казалось, что им удалось оторваться от преследователей, однако вскоре стало понятно: расстояние между ними неумолимо сокращается.

К дороге подступили холмы, поросшие лесом и, хотя деревья стояли голые, густой подлесок обещал укрытие.

– Мы сможем спрятаться в лесу, метель скроет следы! – прокричал декурион.

Констанций оценил обстановку. Силы не равны, чтобы принять бой, да и цена поражения была высока: документы не дойдут до императора, и воровство не будет наказано. Он приготовился отдать команду поворачивать в лес, как вдруг из снежной мути на них выскочила группа кавалеристов.

После секундного замешательства декурион заорал:

– Да это же наша турма! Ребята скакали в Апулум, чтобы объединиться с нами! Сальве, Бурджи и Тинко!

Обе турмы объединились и перестроились в боевой порядок, готовясь к столкновению. Констанций выехал вперед и остановился перед первой шеренгой.

Преследователи тоже остановились и выстроились в отдалении в таком же порядке.

Констанций крикнул:

– Кто старший?! Переговорим! – и медленно двинулся вперед.

От противоположной шеренги отделился всадник и шагом поехал навстречу. Сквозь снежные хлопья и надвинутый до бровей шлем трудно было различить черты лица легионера.

Всадники сблизились.

– Ты знаешь, кто я и чью волю исполняю? – не выпуская из рук мандат, Констанций дал прочесть его командиру легионеров. – А это письмо императора: с печатью и предписанием. Теперь, командир, выбирай, чей приказ тебе выполнять – легата или императора. Сам понимаешь, мы не сдадимся.

Легионер сжал губы, лицо его оставалось неподвижно, а взгляд устремился в бесконечность. Наконец он моргнул и сказал:

– Не должен я перечить воле императора. И своих людей за легата положить не хочу. Желая тебе выполнить приказ, преторианец!

Они развернулись, и каждый поскакал к своей турме.

Хозяева и рабы отправились в храм Сатурна, и в доме не осталось людей; сделалось непривычно тихо. Елена была в своей спальне. Всего одну ночь провели они с мужем в этой комнате. Теперь ей было одиноко в незнакомом городе рядом с новыми родственниками. Душа обращалась к богу: «Иисус, дай силы моему мужу, сыну Божьему Констанцию, пройти воинские испытания с честью, сохрани ему здоровье, огради его от опасностей». Елена молилась о Констанции и, казалось, видела то, на что смотрели его глаза: занесенные снегом холмы, окопанные железом ворота и суровых военных в тяжелых доспехах.

Она скучала по дому. Каждый день добавляла по строчке на узкую полоску льна – писала отцу про все интересное и новое. Когда полоска будет заполнена, Елена скатает ее в рулон и отправит военной почтой в Дрепан.

Неизвестно, как сложатся отношения с родителями Констанция после того, как они узнали, что она чтит Иисуса. Но грустить и бездельничать было не в характере Елены. Она пересмотрела все рецепты красителей и обнаружила верный способ удешевить окраску: если к корню марены добавить ржавчины, то его уйдет меньше, а цвет пряжи приобретет пурпурный оттенок.

Елена под села к оконцу, достала абак и стала считать.

Когда родители возвратились из храма, они пригласили Елену за праздничный стол. В Сатурналии к столу садились вместе все домочадцы. Рабы с удивлением наблюдали за невесткой хозяев, которая не подняла чашу во славу Сатурна и не выплеснула вина в жертву богу. Однако после нескольких тостов на нее перестали обращать внимание, и она незаметно ускользнула в свою комнату. Ей не терпелось вернуться к расчетам, в голову пришла еще одна мысль, требовалось рассчитать затраты и прикинуть ожидаемую прибыль.

Праздничная неделя продолжалась, все отдыхали, ходили друг к другу в гости и навещали родственников. В харчевнях разрешались азартные игры, и оттуда доносились горестные вопли проигравшихся и хохот счастливых.

В один из вечеров Евтропий и Клавдия попросили Елену рассказать им о своей вере. Через окошки в комнату заглядывала зимняя синева, и потрескивал огонь в очаге, освещающая оранжевым светом их лица. Елена рассказала об Иисусе, учившем любить ближнего и несправедливо казненном. О всемогущем Боге Отце, который простил людей, виновных в смерти сына, и воскресил Иисуса. Еще о том, что смерть тела освобождает душу для вечной жизни в царстве небесном.

С этого дня вечерние беседы стали доброй традицией. Елена открывала Септуагинту и Евангелия, сама переводила с греческого на латынь, отвечала на вопросы домашних. Конечно, ей не хватало мудрости Иосифа, но многие мысли стали понятнее для нее самой.

Неделя праздников завершилась, у очага снова уселись прядильщицы, а Елена получила право говорить о делах. Она показала свекрам свои расчеты, которые подтвердили, что покраска в красный цвет может быть выгодной.

– Мы значительно уменьшим расходы, если купим краситель оптом в Наиссе, а потом отправим Оригена в ближайший порт и закупим краситель там.

– Уж больно ты бойкая... – покачал головой Евтропий.

– Конечно, самим выращивать марену намного выгоднее, но тогда нужно сходить в библиотеку и поискать в книгах, как это делается. Давайте установим в красильне еще один котел и пробуем выкрасить шерсть в розовый и в пурпурный цвет.

– Да где же взять на все это средства?

– Я дам эти деньги из своего приданого.

Евтропий продолжал качать головой, но Клавдия быстро почуяла выгоду, и они вдвоем увлеченно обсудили детали. Прикинули, что запасы шерсти на исходе, но скоро весенняя стрижка, и появится возможность развернуться.

Клавдия завороченно смотрела, как пальцы Елены порхают над абакон, и это было похоже на волшебство – она вычислила будущую прибыль и назвала число.

– Даже если прибыль будет в два раза меньше, этого хватит! – воскликнул Евтропий.

А потом они закупили оптом всю марену в лавчонке на форуме.

Пересчитывая монеты, продавец радостно приговаривал:

– Я знал, почтенная матрона, что вы еще придете в мою таберну!

Вторую партию окрашенных нитей в лавке Евтропия продали быстрее, чем первую. Вскоре раб Ориген отправился в Дирахиум, крупный порт в четырехстах милях от Наисса, с приказом закупить большую партию марены и белой земли.

Клавдия и Елена подолгу колдовали в красильне, добавили в разных пропорциях ржавчину и наконец получили пурпурный цвет. Образцы, протравленные каплями оливкового масла, переливались на солнечном свете всеми оттенками фиолетового и привлекали самых придирчивых покупателей.

Joseph Coomans – Roman women, 1840-1889

К концу января запасы марены закончились, и Ориген с возом, груженным красителем, прибыл весьма вовремя. Его сопровождал купец, желавший закупить большой объем красной пряжи. У него был огромный заказ для императорской армии, и он был готов ждать, пока пряжу выкрасят.

Работы прибавилось всем, каждый человек в хозяйстве Евтропия и Клавдии был на счету. В один из таких дней, полных хлопот, к дому прискакали два кавалериста с долгожданным письмом от Констанция.

Не сдержав счастливой улыбки, Елена сломала печать и быстро пробежала глазами по строкам. Потом прочитала письмо родителям. В письме Констанций сообщал, что здоров,

очень занят и ждет приезда Елены в Дробету. Он просил жену поторопиться и в скорейшем времени выехать к нему вместе с сопровождающими, которые доставили ей письмо.

Ориген спешно приготовил карруку. Елена уложила сундуки. Клавдия собрала посылку для сына (она хорошо знала, что нужно солдату – носки, шарф и туника), а также приготовила для невестки теплую одежду. Евтропий снабдил Елену провизией, которой хватило бы и для путешествия в Рим. До Дробеты было всего каких-то сто тридцать миль.

Тепло простившись со свекрами, Елена тронулась в путь. В дороге у нее было время подумать. Помимо радости от предстоящей встречи с мужем было какое-то предчувствие: неспроста он вызвал ее, да еще и выделил свиту.

На Траянов мост каррука и конники въехали ясным морозным днем. Как и Констанций, Елена пошла пешком. До этих пор она не предполагала, что река может быть настолько широкой, а мост – длиннее, чем городская улица. У берегов Данубия намерз мощный лед, но там, где течение было сильным, темная вода пробила себе дорогу. Мост был так высок, что, если идти рядом с перилами и смотреть вдоль реки, казалось, будто плывешь по воздуху.

На другом конце моста Елена неожиданно для себя попала в объятия Констанция. Он разговаривал с часовым и, когда увидел Елену, быстрым шагом направился к ней. Они обнялись, Елена прижалась лбом к его колючему подбородку, вдохнула родной запах, заглянула в любимые глаза и в который раз удивилась: за что ей такое счастье?

Констанций и Елена приняли приглашение центуриона остановиться в его доме. Остаток дня они устраивались в маленькой комнате над гостиной, в которой пылал очаг. После того как она перецеловала все его шрамы и не обнаружила новых, после ласк, рассказов и снова ласк Елена спросила:

– Почему ты послал за мной?

– Потому что люблю тебя, – Констанций смотрел на нее глазами, в которых читались восхищение, благодарность, нежность и другие прекрасные чувства, из которых складывается любовь. – А еще потому, что в твоей помощи нуждается государство.

– Не верю!

– Завтра ты все узнаешь.

Они еще немного пошептались, и Констанций уснул. Елену переполняло и не давало уснуть счастье, но в то же время в глубине души поселилась горькая мысль: если бы не государственное дело, послал бы за ней Констанций?

Утро было чудесным: ярко светило солнце и местами подтаивал снег. Каструм Дробеты был рядом с домом центуриона. Когда Констанций привел Елену в квесториум⁹, квесторы с удивлением уставились на нее, подняв головы от абakov.

– Дело у нас движется медленно. Моя жена Елена призвана служить в нашей вексилляции, она хорошо умеет вести дела и расчеты. С этого дня вы все будете выполнять ее указания.

Елене выделили комнату, стол и абак. Она изучила задание императора, и Констанций показал ей хранилище, заполненное кожаными мешками со свитками, собранными со всей Дакии.

Елена потребовала списки крепостей и рудников. Для примера сама рассортировала один мешок и разложила документы по пачкам. Просуммировала, сделала предварительные записи на восковых дощечках, а итог записала в главный кодекс, предназначенный для представления императору.

После этого она выучила квесторов сортировать документы, производить расчеты и предоставлять данные для записи в кодекс. Дело пошло быстрее, уже через три дня квесторы работали самостоятельно, а Елена занялась документами золотых и серебряных рудников.

⁹ Квесториум – помещение в каструме для офицера снабжения.

Lawrence Alma-Tadema A Roman Scribe Writing Dispatches, 1865

Разобравшись с записями, она постигла суть двойного учета. Половина добытого золота и серебра уходила из-под контроля государства.

В одну из ночей Елена сказала Констанцию:

– Эти документы стоят больше, чем золото! Наверное, трудно было их раздобыть?

– Трудно быть мужем такой проницательной жены, – ответил Констанций.

Он коротко рассказал ей о своих приключениях, опуская самые неприятные эпизоды. Но подробности Елена выведала в течение последующих ночей, приходя в ужас, обнимая и ища у него утешения.

По окончании работы Елена перелистала страницы кодекса и задумчиво призналась Констанцию:

– Я знаю, для чего императору этот кодекс. Из него Аврелиан узнает истинную стоимость добытого в Дакии золота и серебра. Я знаю ее и делаю вывод: провинция Дакия – тяжелое бремя для государства.

– Но ведь количество золота увеличивается! – возразил Констанций.

– На содержание военных частей, рудничных рабов и общественных зданий тратится в десять раз больше, чем добывается.

– А как же войны императора Траяна?! – с жаром воскликнул Констанций. – После них империя процветала!

– Траян захватил золото даков, которое копилось столетиями. В те времена рудники приносили огромную прибыль, но позднее копи истощились.

– И как, по-твоему, следует поступить Аврелиану?

– Вывести из Дакии войска, переселить жителей и укрепить границу вдоль Данубия.

Констанций усмехнулся:

– Да это все равно что руку отрубить!

– Чтобы спасти все тело, придется пойти на ампутацию.

К концу короткого месяца февраля был сформирован итоговый кодекс, и почтовый голубь вылетел в Рим с донесением. Ровно через двадцать дней император со свитой прибыл в Дробету.

Аврелиан расположился по-солдатски, в каструме, и в первый же день вызвал к себе Констанция. Прочитав отчет о хищениях, император пролистал кодекс и, задержавшись на страницах о золоте и серебре, сделал закладку.

– Квестор, который трудился над отчетом, ясно мыслит. Я бы забрал его в свою квесторию.

– Это невозможно, верховный командующий. Кодекс составляла моя жена.

Брови императора удивленно поползли вверх, а губы растянулись в усмешке:

– Хочешь сказать, что твоя жена делала выводы о состоянии Дакии?

– Да, верховный командующий. Дакия – тяжелое бремя для государства.

Услышав эти слова, Аврелиан громко расхохотался:

– Даже я не смог бы выразить мысль яснее. Где же ты нашел это сокровище?

– Отец Елены владеет постоянным двором в Дрепане, она с детства помогала ему с расчетами.

Задумавшись, император поинтересовался:

– Может быть, она и совет полезный дала?

– Так и есть, верховный командующий. Елена сказала, что из Дакии необходимо вывести войска, переселить жителей и укрепить границу вдоль Данубия.

– Ну, это уже слишком! Завтра в полдень я собираю большой совет!

Каково же было удивление Констанция, когда на совете император Аврелиан объявил, что Рим уходит из Дакии. Переселение мирных жителей на пустующие земли Мезии и Фракии он поручил Констанцию. Далее император приказал завершить укрепление границы вдоль Данубия и до конца ноября вывести из Дакии все войска.

После совета Аврелиан жестом подозвал Констанция.

– Рад назначению?

– Я бы предпочел воевать в действующей армии, – смиренно ответил тот.

– Вояк хватает. Толковых правителей мало. С таким советником, как у тебя, можно управлять империей! – Аврелиан расхохотался и хлопнул Констанция по плечу.

Кто действительно был рад назначению Констанция, так это Елена. Она кружилась вокруг него, хлопала в ладоши и пела о том, что весну, лето и осень они будут вместе, и Бог услышал ее молитвы.

Но как же быстро летело время! Уже в середине июля Констанций стоял на Траяновом мосту под палящим солнцем и наблюдал за нескончаемым потоком переселенцев, покидающих Дакию.

Теперь он командовал алой¹⁰. Его кавалеристы руководили движением четко и слаженно, разделив мост на четыре полосы. По трем движение шло на правый берег, а по одной – на левый. На правом берегу переселенцам указывали путь к их новым участкам земли.

По ближней полосе медленно тащилась повозка с клеткой, окруженная стражниками. Как только она приблизилась, Констанций разглядел внутри нее человека, в котором узнал Сервия Юлия, благородного легата и казнокрада. Его лицо заросло щетиной, волосы спутались, а туника стала такой грязной, что пурпурные полосы были едва различимы.

– Воды... – прохрипел заключенный.

Констанций протянул ему флягу. Сопровождавший военный покосился на знаки различия и недовольно буркнул:

– Это государственный преступник, не велено баловать.

– Куда везете? – спросил Констанций.

– В Рим, на казнь!

Сервий Юлий напился, и взгляд его прояснился.

– Это ты, проклятый провинциал! – воскликнул он. – Будь ты проклят!

Повозка-клетка поехала дальше, из нее долго еще доносились ругательства благородного патриция.

Многих усилий стоило Констанцию подобрать подходящие земли для переселенцев из Дакии. Они должны были располагаться вдоль Данубия, вблизи от общественных дорог. Армия выделила землемеров, но его кавалеристам пришлось заниматься несвойственной им работой – оформлением документов на участки. Половина подготовленных владений уже обрели хозяев, и на них зрел урожай. Констанций планировал, что все участки будут востребованы до конца ноября, ибо императорский указ гласил: первого декабря легендарный Траянов мост, простоявший сто шестьдесят пять лет, будет разрушен.

Вечерами Констанций не отказывал себе в удовольствии искупаться в Данубии – возле каструма была удобная заводь, где учили плавать новобранцев. По возвращении домой он всегда находил жену в перистиле, куда выходили двери их летней спальни. В последнее время Елена хранила загадочный вид, и Констанций пытался выяснить причину. Она же всячески уходила от ответа, расспрашивала, как прошел день, показывала прочитанные свитки.

Но однажды Елена торжественно заявила:

– Мой дорогой муж, у нас будет ребенок!

Констанцию потребовалось несколько секунд, чтобы осознать эту новость.

– Когда он родится?

– В конце февраля или в начале марта.

– Какой подарок ты преподнесла мне, любимая! – он обнял жену.

Весь вечер они строили планы и вспоминали тот благословенный день, когда повстречали друг друга.

Император Аврелиан в это время во главе своих легионов очищал территорию от воинственных племен остготов на левом берегу Данубия. Осенью римляне окружили и уничто-

¹⁰ Ала – конное подразделение римской армии, состояло из десяти или более турм.

жили их армию во главе с вождем Каннибадом. После этого войска оставили Дакию. Каструмы и форты опустели.

Ноябрь заставил деревья потерять последние листья, низкие тучи роняли капли дождя. Констанций и Елена покинули Дробету вместе с последней турмой. Движение на обреченном мосту было прекращено, доски настила сдирали и грузили на повозки, запряженные терпеливыми волами. Спустя несколько дней от моста остался лишь остов – дубовые балки в сложном переплетении арок. Разобрать прочную конструкцию не смогли, и было решено предать мост огню. Балки обильно пролили каменным маслом¹¹ и подожгли. Много часов пылал легендарный Траянов мост, роняя в темную воду горящие обломки конструкций.

В тот день история римской Дакии подошла к концу.

¹¹ Каменное масло – нефть.

Capitolo XIII

Остров Родос, Эгейское море.

Лайнер «Олимпик».

Наше время

Когда Элина, Нинель Николаевна и Лидия сошли на причал, к ним сразу подъехал полицейский фургон. Последним по трапу яхты спустился Богдан. Болгарин сообщил офицеру, что это он позвонил в полицию, и пообещал рассказать все подробности в участке.

Четверо экскурсантов вконец измотались плаванием, которое больше походило на рысканье по волнам. Навигационное оборудование судна было устаревшим, и Богдан не смог его подключить. Путь к Родосу пролагали по солнцу и по наитию, тем не менее все закончилось благополучно. По прошествии нескольких минут после прибытия фургон повез их в полицейский участок. Проезжая по территории порта, они увидели, что «Олимпик» стоит на своем месте, и это всех успокоило.

В участке им сообщили, что капитан экскурсионного катера заявил в полицию о происшествии на острове Эзр, но сделал это лишь утром. Свое поспешное бегство из лагуны он объяснил тем, что бандиты приказали ему убираться. У них было оружие, и он не стал с ними спорить.

– Что же капитан не позвонил в полицию вчера? – с усмешкой спросил Богдан.

Греческий полицейский невозмутимо ответил:

– От пережитого страха у старика прихватило сердце. Не будем тратить время, – открыв дверь допросной, он указал рукой: – Вам сюда.

– Только мне? – уточнил Богдан.

– Женщин будут допрашивать в других помещениях.

– Нас в чем-то обвиняют? – Нинель Николаевна возмущенно смерила взглядом полицейского. – Не верю своим ушам! Вам следует навести порядок на своих территориях! Вчера во время экскурсии нас едва не убили!

– Прошу пройти в соседнюю комнату, мэм, – сказал полицейский, после чего осведомился: – Девочка ваша?

– Она моя внучка!

– Возьмите ее с собой.

Элину завели в третью комнату и оставили там ждать. Она хорошо понимала, что происходит: сначала с них снимут показания, потом их сравнят и, если факты совпадут, скорее всего, отпустят. Затем по факту убийств и нападения возбудят уголовное дело, но чем все закончится, они узнают не скоро.

– А может, и вообще не узнаем... – проговорила Элина и обернулась на звук открывшейся двери.

В допросную вошел долговязый человек в форме.

– Здравствуйте, – он заговорил на английском. – Я – следователь Гераклидис. Давайте поговорим.

Для начала офицер выпросил у Элины личные данные и, заполнив обязательные графы протокола, задал вопрос по существу:

– Расскажите, что случилось после того, как вы прибыли на остров Эзр и поднялись на скалу.

– Если в общих словах – на нас напали бандиты.

– А если не в общих? – уточнил полицейский.

– Сначала мы увидели вертолет. Он приземлился у крепостной стены, оттуда выскочил человек и напал на Богдана Апостола.

– Вам знаком этот человек?
Чуть помедлив, Элина проронила:
– Пожалуй...
– Назовите его имя.
– Серхат. Он был нашим экскурсоводом в Херсеке.
– Вот как? – офицер удивленно хмыкнул. – Выходит, теперь он сменил профессию?
– Мы этому тоже удивились.
– Как дальше развивались события?
– Со стороны лестницы появились еще двое...
– Сообщники Серхата? – спросил офицер.
– Скорее наоборот... – невесело усмехнулась Элина.
– Пожалуйста, поясните.
– Они расстреляли Серхата из автомата.
– Та-а-ак... – полицейский записал в протокол несколько фраз. – Что было дальше?
– Эти же двое расстреляли вертолет, и он вместе с пилотом рухнул с обрыва. После этого Серхат перестрелял их из пистолета.
– Его разве не убили?
– Ранили. Но он тоже умер.
– Четыре трупа... Серьезное дело.
– Еще один раненый.
– Кто? – не сообразил полицейский.
– Богдан Стоянов. Его ударили пистолетом по голове. Он потерял много крови и какое-то время был без сознания. Так что не слишком рассчитывайте на его показания.
– Приму к сведению. Надеюсь, пожилая дама сознания не теряла?
– Нет, но они с внучкой прятались за крепостной стеной.
– Было бы хорошо, если бы она подтвердила ваши показания, – сказал офицер.
– Подтвердит. Я в этом уверена, – проговорила Элина. – Вам необходимо направить на Эзр оперативную группу.
– Она уже там. Мы направили туда полицейский катер. – Он развернул протокол и протянул ручку: – Прочтите и распишитесь.
– Да, конечно. – Элина пробежала глазами текст и расписалась. – Теперь я могу идти?
– Пока оставайтесь здесь. Должен предупредить: вам придется дать показания в процессе расследования, а потом в суде.
– Я это знаю.
Попрощавшись, офицер скрылся за дверью. Примерно через час Элину вывели из допросной и усадили в тот же фургон, где уже сидели Богдан, Нинель Николаевна и Лидия. Профессорша прижимала к себе внучку и обеспокоенно восклицала:
– Лидочке нужно к врачу! Везите нас на «Олимпик»!
После того как четверо путешественников ступили на палубу лайнера, «Олимпик» отдал швартовы и лег на курс. Следующим пунктом прибытия значился Тель-Авив.
Нинель Николаевна с Лидией сразу направились в лазарет. Элину и Богдана еще на трапе перехватил следователь Айзак Таскиран.
Оказавшись в комнате для совещаний оперативной группы, Элина выплеснула на него свое возмущение:
– Мы оба вторые сутки на ногах! Нам нужен отдых! Богдану требуется перевязка! – Она переводила взгляд с Таскирана на его помощника Ядигара и обратно. – Вы не смеете нас задерживать!
– Успокойтесь, Элина Коган! Вы закаленный человек, вам хватит выдержки. Всего полчаса, не больше.

– С какой целью нас задержали? – спросил Богдан. Он был измучен и бледен, повязка его голове пропиталась кровью, на лице появился багровый кровоподтек.

– Вам придется рассказать, что случилось на острове, – произнес эти слова, Таскиран перевел взгляд и в упор посмотрел на Богдана: – А вам – объяснить, почему сошли на берег без сопровождающего.

– Я лично вам ничего не должен, – вспыхнул болгарин. – Сами прозевали, сами и объясняйте. И вот что я вам скажу: хватит меня сопровождать. Если бы я захотел сбежать, я бы на корабль не вернулся.

– Предположим, что это так, – Таскиран неожиданно улыбнулся. – Неплохо вас разукрасили!

– Небось, жалеете, что не вы?

– Не говорите банальностей, – нахмурился следователь. – Невелико удовольствие.

– Прошу вас, давайте быстрее! – взмолилась Элина. – Мне нужно в душ! В конце концов, я очень хочу есть!

– Сами себя задерживаете, – Ядигар пригласил их жестом присесть. – Кто из вас будет рассказывать?

– Я! – вызвалась Элина.

Богдан жестом велел ей утихомириться.

– Рассказывать буду я.

– Ты был без сознания, – возразила она.

– Не до такой степени. Я многое слышал, а если что-нибудь пропущу, ты дополнишь.

Богдан рассказал обо всем куда лучше, чем смогла бы Элина. Он подметил такие детали, о которых она забыла, или даже те, что она упустила из виду. Например, упомянул, что Серхат назвал Элину еврейской сучкой.

Не придав этому значения тогда, теперь она удивилась:

– Как он узнал?

– Вероятно, у него есть информаторы, – предположил Таскиран.

– Где? – не сразу понял Богдан.

– Здесь, на борту корабля.

Элина недоверчиво покачала головой, но другого объяснения у нее не нашлось.

– Вопрос к Стоянову! – сказал Ядигар. – По вашему мнению, события на острове Эзр связаны лично с вами?

Немного помолчав, Богдан кивнул и выдавил из себя лишь одно слово:

– Частично...

Элина торжествующе проронила:

– Так я и знала.

– Молчите! – одернул ее Таскиран и перевел взгляд на Богдана: – А вы продолжайте.

– Это касается тех двоих, кто приплыл к острову на яхте и поднялся к замку по лестнице.

– Кто они такие?

– Имен я не знаю.

– Чего хотели? – настойчиво спросил Ядигар.

– Убить меня, – ответил Богдан.

– Кто их прислал?

– Человек, купивший виллу моей бабушки.

– Очередная шутка?! – грозно пророкотал Таскиран и вдруг закричал: – Хватит паясничать! Здесь вам не цирк!

– Я говорю серьезно. Выслушайте меня, и тогда все поймете.

– Говорите... – Айзак Таскиран с недовольным лицом откинулся в кресле и приготовился слушать.

- Два года назад умерла моя бабушка. Я, кстати, ее любил.
- Ну-ну... Продолжайте!
- По завещанию мне отошла ее вилла в Варне.
- Дорогая? – с неожиданным любопытством спросил Таскиран.
- Шесть миллионов евро.
- Ого! – присвистнул Ядигар. – Бабушка вас тоже любила.
- Старушку не трогайте... – проронил болгарин. – Она была замечательной.
- Как связана вилла бабушки с нападением?
- В начале этого года я продал ее серьезному человеку из Бухареста.
- При чем здесь это?
- В болгарском законодательстве, если вы не знаете, предусмотрена возможность продажи недвижимости с обременением.
- Вилла была в залоге? – предположил Таскиран.
- На момент договоренности – нет. Мой адвокат предоставил справку. Но такие справки в Болгарии, как бы это сказать... они скоропортящиеся.
- То есть?
- Предположим, вы взяли такую справку и предоставили покупателю. В тот же день можете заложить виллу, и долг перейдет на нового владельца.
- Вы так и сделали! Ах вы мошенник! – воскликнул Ядигар. – Теперь человек из Бухареста гоняет вас, словно зайца! Будьте уверены, за такие деньги вас рано или поздно подстрелят!
- Дело в том, что я здесь ни при чем, – Богдан тяжело вздохнул. – Виллу продавал адвокат.
- Хотите сказать, что...
- Он заложил виллу по доверенности, – сказал Богдан. – А тех двоих парней я видел в Бургасе. Они следили за мной, но мне показалось, что я от них оторвался.
- Молчавшая до сих пор Элина стремительно вмешалась в разговор:
- Этот вопрос необходимо решать! Что, если румын пришлет новых киллеров?
- Надеюсь, до этого времени я с ним расплачусь. – Богдан поднял глаза и посмотрел на следователя: – Теперь вам известно, что нападение не связано с убийством на лайнере.
- Информация подлежит проверке, – вмешался Ядигар.
- Проверяйте, – устало бросил болгарин.
- И не забудьте выяснить личность Серхата! – опять вмешалась Элина. – Он в эту историю как-то не вписывается.
- Это сделают греки. Будет результат, они сообщат, – сказал Таскиран и бросил Богдану: – Вас не задерживаю.
- Я тоже могу идти? – поинтересовалась Элина.
- Вы останьтесь. Мне нужно кое-что сообщить.
- Богдан взглянул на Элину, словно проверяя, стоит ли ему уходить.
- Она кивнула:
- Иди.
- Ядигар распахнул дверь, дождался, пока выйдет болгарин, и плотно ее закрыл.
- Слушаю, – проговорила Элина.
- Таскиран подошел к столу, отыскал нужный документ, не отдавая Элине, произнес:
- Пришли результаты сравнительной экспертизы волос.
- Что там? – заинтересовалась она.
- Один волос ваш.
- И это неудивительно. Наволочка побывала на моей голове.
- Таскиран швырнул документ на стол.
- Второй принадлежит неизвестному мужчине.
- Есть претенденты на вакантное место?

– Пока ни одного.

– Когда появятся, непременно мне сообщите.

Элина встала и направилась к выходу, и Ядигар предупредительно распахнул перед ней дверь.

Прежде чем подняться в свою каюту, она спустилась в лазарет. Сунулась в кабинет врача, увидела полуобнаженного мужчину и тут же закрыла дверь. Потом, поразмыслив, снова открыла и заглянула в щелочку, чтобы как следует его рассмотреть.

Это был невысокий щуплый человек лет сорока пяти, стоявший спиной к двери. Элина увидела длинные с проседью волосы, которые были прибраны в хвостик, и татуированные змеями руки.

Внезапно за ее спиной прозвучал голос доктора:

– Мадемуазель Элина! Я же сказал, что вам приходить не надо.

Она захлопнула дверь и резко обернулась:

– Хотела узнать про девочку. Она сегодня к вам обращалась.

– Лидия? – врач вежливо улыбнулся. – Мы провели обследование, она совершенно здорова.

– Где она сейчас?

– Вероятно, в своей каюте с бабушкой.

Элина сделала несколько шагов в сторону лестницы, явно собираясь уйти, но потом вдруг развернулась и спросила:

– В вашем кабинете мужчина. Кто он такой?

– Пациент, – в голосе доктора прозвучало недоумение. – Член экипажа из числа ресторанного персонала.

– Имя не назовете?

– Франк Гесси...

Наткнувшись на непонимающий взгляд, она дала задний ход:

– Впрочем, это неважно... Прошу прощения за любопытство.

Когда Элина снова появилась в комнате совещаний, следователь Таскиран и его помощник были удивлены.

– Что-нибудь забыли? – предположил Ядигар.

– Я только что видела человека, внешность которого совпадает с приметам, данными Себастианом!

– Имеете в виду работника ресторана Франка Гесси? – с усмешкой уточнил Таскиран. – Он уже в разработке.

– Что вам известно? – Элина прошла к столу и села, давая понять, что ждет объяснений.

– Какая же вы напористая! – Таскиран уселся напротив и коротко перечислил: – В означенное время в Кушадасы подозреваемый имел выходной и сходил на берег. Мы сделали запросы и выяснили, что этот тип брал в прокат автомобиль.

– Себастиан его опознал?

– Не то чтобы точно. Преступника он видел со спины.

– Почему не сказали мне?

– Вы в это время воевали на острове Эзр, – съехидничал Ядигар. – Но если серьезно, мы ждем данные GPS, отчет о маршруте арендованного им автомобиля. Хотим выяснить, был ли подозреваемый в месте нападения.

– Какая-то ерунда... – Элина потрясла головой. – Я не знаю его! Ни разу раньше не видела!

– Как опытный человек, я имею в виду службу в военной прокуратуре, вы должны понимать: для того, чтобы убить человека, необязательно с ним знакомиться.

– Но я опасаясь за свою жизнь. А что, если Франк Гесси снова нападет на меня или, например, выкинет за борт?

– Не сомневаюсь, что теперь, зная об опасности, вы сумеете постоять за себя, – сказал Таскиран и добавил: – Не забывайте запирать дверь каюты.

У входа в ресторан Элину поджидал Ердын Экинджи. Казалось, что он вот-вот упадет в обморок от чрезмерного сочувствия.

– Что с вами произошло?! Вчера мы с епископом Чезарини ужинали только вдвоем, и это было ужасно!

– А вы разве не слышали?.. – задавая вопрос, Элина намеревалась узнать, что ему известно, и только потом решить, стоит ли говорить.

– Вчера – полный вакуум. Но сегодня епископ рассказал, что на вас напали.

– Откуда он знает?

– С его-то связями? – усмехнулся Экинджи. – И вы еще спрашиваете.

Элина взяла его под руку:

– Идемте. Обсудим все за столом.

Ужин проходил практически в полном составе, не было только Лидии. Профессорша настояла, чтобы девочка поела в каюте.

– Лидочке надо отдохнуть. Речь идет не о физическом здоровье, меня больше волнует ее эмоциональное состояние. Детская психика – хрупкая, еще неизвестно, чем все это для нее обернется.

– Благодарение Господу, все вы остались живы, – сказал Теофилус Чезарини. Взглянув на Богдана, он по его лицу оценил последствия нападения: – То, что я вижу, весьма и весьма печально.

– Испытываю такие же чувства, когда смотрю на себя в зеркало, – улыбнулся болгарин.

Нинель Николаевна полезла в сумочку, висевшую на спинке стула:

– Элина, дорогая, хочу вернуть ваш оберег, – профессорша протянула его через стол. – Не знаю, как благодарить, вы спасли мою внучку.

– Рада, что помогла, – Элина привстала с места и забрала кулон.

– Знаете, я, как теперь говорят, погуглила и нашла информацию о церкви в Троицком, – продолжила Нинель Николаевна.

– Да что вы...

– Представьте себе, она восстановлена и по-прежнему называется Церковью Животворящего Креста Господня.

– Считаете, совпадение? – поинтересовалась Элина.

– В каком смысле?

– На острове Эзр мы с вами предположили, что деревянная часть кулона – это частица Животворящего Креста, который привезла из Иерусалима Святая Елена.

– Можно предположить, что святыня хранилась в ковчежце, – сказала профессорша. – Грабители выкинули содержимое, а серебряный ковчежец забрали.

– Позвольте взглянуть... – заинтересовался епископ и, получив кулон, внимательно его рассмотрел. – Вне всяких сомнений, древесине более тысячи лет, и выжженный крест наводит на определенные мысли.

– Вы, как и полагается священнослужителю, осторожны в оценках, – заметила Нинель Николаевна. – Я же, в отличие от вас, выразилась много яснее: не исключаю, что это часть Животворящего Креста.

– Не берусь об этом судить, но, думаю, это маловероятно. На территории Европы есть несколько храмов и монастырей, в которых сохраняют частицы святыни. Навскидку это Италия, Австрия, Бельгия, Германия, Кипр...

– В Черногории тоже есть, – подсказал Богдан.

– Тебе-то откуда знать, – усомнилась Элина и перевела взгляд на профессоршу: – А что же в России?

– Слышала, что частица Животворящего Креста хранится в Сретенском женском монастыре, – припомнила Нинель Николаевна. – Но будем рассуждать объективно: если собрать все существующие частицы, получится не один крест, а несколько.

– Крест Иисуса – наша победа. Христос воскрес из мертвых силой Божией, – с некоторым пафосом произнес Чезарини. – Вы же пытаетесь низвести эту тему к ничтожным истинам. Император Константин отправил мать для отыскания Животворящего Креста в Иерусалим. Царица Елена предприняла раскопки на Голгофе и милостию Божией обрела христианскую святыню.

– Это если говорить о христианской легенде, – аккуратно уточнила профессорша. – Но если внимательно прочитать исторические свидетельства, в том числе церковных историков, становится ясно, что, прежде чем послать престарелую мать в Иерусалим, император Константин поручил иерусалимскому епископу Макарию отыскать все места, связанные с Иисусом. Макарий провел изыскания и обнаружил их в горе под языческими храмами Юпитера и Венеры.

– Повторяю вам, упрямая женщина, – епископ начал сердиться, – Животворящий Крест был обретен Святой равноапостольной царицей Еленой.

– А я и не спору, – миролюбиво заметила Нинель Николаевна. – Но это случилось уже после того, как по приказу иерусалимского епископа разрушили языческие храмы и срыли половину Голгофы. Вот тогда, по свидетельству древних историков, Елена разглядела в горе ступени, спустилась вниз и оказалась в заброшенной каменоломне или цистерне, куда в дождливый сезон горожане запасали воду. Там она обнаружила несколько перекладин¹² от крестов. Среди них была одна, которая хорошо сохранилась. Так что никаких проверок на мертвецах она не устраивала¹³.

– Вы неверно трактуете ключевые события христианства, – сдержанно проговорил епископ.

– А у нас только два пути: рассматривать более или менее реальные факты, что мне как ученому нравится больше, либо придерживаться христианской трактовки, которая ничего общего с реальностью не имеет.

– Реально то, и вы с этим не поспорите, что главной заслугой императора Константина и его матери, царицы Елены, был созыв Вселенского собора в Никее¹⁴. Их деятельность положила начало строительству истинно христианской империи.

Выслушав епископа, Нинель Николаевна безапелляционно заметила:

– Нет никаких сомнений, что всеми действиями Константина руководила его мать.

– В таком случае возникает вопрос, – вмешалась Элина. – Почему Святая Елена выбрала христианство? Ведь на роль государственной религии претендовал культ Юпитера или, например, Sol Invictus¹⁵. Любая из этих религий могла стать приоритетной.

Епископ отчетливо произнес:

– В Евангелии от Иоанна записаны слова Христа: «Видевший Меня, видел Отца». Последовав за Христом, вы придете к Богу. Последовав за иными, к кому придете? Будет ли это Бог?

¹² Есть мнение, что Иисус нес на себе только перекладину креста. Римляне сооружали кресты для распятия так, что на самом верху вертикального столба делали выемку, куда вставляли перекладину с пригвожденной к ней жертвой.

¹³ По легенде, для проверки подлинного Животворящего Креста его возложили на мертвого, и тот воскрес.

¹⁴ Первый Никейский собор (325 г.) – первый Вселенский собор в истории христианства. Именно тогда Святая Троица была принята как символ веры.

¹⁵ Sol Invictus – «непобедимое солнце» (лат.) – римский культ Солнца, введенный в III веке императором Аврелианом.

– Если позволите, я изложу свою точку зрения, возможно, несколько прагматичную, – вмешалась профессорша. – Равноапостольная царица Елена, как и я, была реалисткой. Она задавала правильные вопросы и сама на них отвечала.

– Любопытно послушать... – обронил Чезарини.

– Полагаю, что вопросов, как и ответов, было всего четыре. Первый и самый главный – экономический. Христианство не требовало приношения жертв, и это нравилось людям. Они видели, что христиане, у которых бог не требует жертв, живут ничуть не хуже других.

– Так-так... Что еще?

– Второй решающий фактор – широкое распространение христианства. К тому времени треть населения Римской империи уже были христианами.

– Ну, это всего лишь статистика, которая ни о чем не свидетельствует.

– Позвольте договорить. – Нинель Николаевна строго взглянула на епископа, и тот опустил глаза.

– Прошу вас...

– Третий важный момент – кризис богов. В империи того времени распространилось неверие и безбожие, а пантеон богов разросся до невероятных размеров.

– Кажется, теперь я понимаю, – проговорила Элина. – Елена минимизировала количество культов и свела их к единообразию.

– Конечно! – подтвердила профессорша. – Так было проще держать народы в узде.

– Остался четвертый пункт, – явно сучая, напомнил Богдан.

– Да, и четвертое. Теперь это называют маркетингом. Святая Елена хорошо чувствовала конъюнктуру и учла запрос на нового бога.

– Вы, дорогая, неправильно поняли... – тихо сказал епископ.

Нинель Николаевна уточнила:

– В какой части?

– Есть притча, которая многое объясняет. Могу рассказать.

– Было бы любопытно послушать.

– Одной христианке приснился сон, в котором она пришла в лавку и увидела за прилавком ангела. «Что продаете?» – спросила женщина. «Все, что пожелаешь», – ответил ангел. И женщина попросила всего самого лучшего, о чем только может мечтать христианин: мира, любви, мудрости, счастья и свободы от страха.

– И что же ангел? – забежала вперед Элина.

– Ангел улыбнулся и ответил той женщине: «Вы, дорогая, неправильно поняли. Мы тут не фрукты продаем, а лишь семена».

– У-у-у-у, – разочарованно протянул Богдан, однако епископ продолжил:

– Получив зерно веры, мы должны его вырастить, чтобы с годами оно приносило плоды. Ну, а что касается вас, дорогая... – он взглянул на профессоршу, – я не понимаю, как можно хладнокровно препарировать догматы христианского учения и при этом оставаться православной христианкой. Вы низвели религию до уровня прислужницы власти и экономики.

– Так оно и есть, – заверила его Нинель Николаевна. – Я не следую догмам, я верю фактам и доказательствам. Я – ученый.

– Вы правы лишь в том, что дохристианские культы и религии в значительной мере имели утилитарное значение. И только христианство удовлетворило запрос человечества на духовность.

– Наука и религия не противоречат друг другу, – возразила ему профессорша. – Наука не пытается опровергнуть, что Бог сотворил небо и землю, она пытается понять, как именно это произошло.

Теофилус Чезарини неодобрительно оглядел участников трапезы и, остановив свой взгляд на Богдане, перевел разговор на то, что произошло на острове Эзр. Тот вкратце,

без ненужных подробностей пересказал опасное приключение, чем в полной мере удовлетворил любопытство епископа и Ердына Экинджи.

Таким образом, к окончанию ужина страсти поостыли, и спорщики благополучно разошлись, примирившись друг с другом.

Когда Элина и Богдан покинули ресторан, им стоило немалых трудов избавиться от Ердына. Оба понимали, что им надо многое обсудить, но турок, как назло, был говорлив и весел.

Наконец, не выдержав, Богдан отвел его в сторону, сказал несколько слов, и обиженный Экинджи ушел.

– Где будем говорить? – спросила Элина.

– Пройдемся по палубе, – предложил болгарин.

Они поднялись на прогулочную палубу, и Элина спросила:

– Зачем ночью ты поднимался на скалу?

– Знал, что ты согласишься, – сказал Богдан.

– Ну, так зачем?

– Обыскать напавших. У одного в кармане нашел приемник от GPS-трекера. Они, видимо, поставили маячок на экскурсионный катер, и так нас выследили.

– Ты сказал правду Таскирану?

– Про виллу бабушки? – Богдан уверенно мотнул головой. – Абсолютную.

– А как быть с остальным?

– Не понимаю.

– О чем тебя спрашивал Серхат?

– А он спрашивал? Наверное, в этот момент я потерял сознание.

– Я повторю тебе его слова: «Где они? Куда ты их спрятал?»

– Ага... Вот, значит, что... – Шагая по палубе, Богдан смотрел под ноги, и было видно, он думает, как ответить.

– Если совершь, я сразу пойму, – предупредила Элина.

– Да ну... – Болгарин остановился, достал из кармана вчетверо свернутый лист и протянул Элине: – Вот, смотри.

– Что это? – она развернула лист.

– Фотография старинного пергамента.

– Откуда она у тебя?

– Нашел в кармане Серхата.

– Какое отношение этот снимок имеет к тебе? – с пристрастием спросила Элина.

Богдан подошел к скамейке:

– Давай присядем, и я все тебе расскажу. – Он сел и, выдержав паузу, договорил: – Или почти все. Существуют профессиональные тайны, которые затрагивают интересы других людей, и я не вправе их разглашать.

– До тех пор, пока из-за них не начинают убивать! – проговорила Элина и жестко распорядилась: – Рассказывай!

– Эту рукопись я нашел в монастыре поблизости от сербского города Ниша¹⁶.

– Она твоя?

– Скажем так: я выкупил ее у монахов.

– Значит, Серхат хотел забрать оригинал? Зачем?

– Рукопись датируется третьим – четвертым веком и независимо от содержания имеет большую ценность для коллекционеров или музеев.

– Судя по тому, как действовал Серхат, я бы не сказала, что он сотрудник музея.

¹⁶ Ниш – в прошлом древнеримский город Наисс.

– Ну да, – улынулся Богдан. – На коллекционера-любителя он тоже не тянет. Думаю, что Серхат выполнял чье-то поручение. Его снабдили фотографией, чтобы он знал, что искать.

– Тебе известно содержание рукописи?

– Текст написан на арамейском или на древнегреческом языке. Я не нанимал переводчика. Мое дело найти, продать и заработать.

– Выставлял пергамент на продажу?

– Я знаю, кто сделал эту фотографию. Месяц назад я отдавал пергамент на консервацию, он был в плохом состоянии.

– Где эта рукопись сейчас? – деловито поинтересовалась Элина.

– В надежном месте, – заверил ее Богдан.

– Чтобы понять, почему за этим пергаментом охотятся, нужно знать его содержание. И, кажется, мне известно, что нужно делать, – уверенно заключила Элина.

Открыв дверь каюты, Нинель Николаевна прижала палец к губам и прошептала:

– Пожалуйста, тише. Лидочка спит.

– Нам нужна помощь, – проговорила Элина.

– Вот еще новость...

– Можете определить, на каком языке написан этот текст? – Богдан показал снимок рукописи.

Взглянув лишь мельком, Нинель Николаевна уверенно заявила:

– Древнегреческий, это же очевидно.

– Сможете перевести? Хотя бы примерно? Ведь вы, кажется, специалист по церковнославянскому?

– Церковнославянский и древнегреческий не одно и то же, – сказала профессорша. – Но греческий язык был распространен в Киевской Руси. Церковные службы велись на двух языках, один клирос пел по-древнегречески, другой – по-церковнославянски.

– Так вы знаете древнегреческий язык или нет?

– Знаю, и очень неплохо, – сказала Нинель Николаевна.

– Нам нужен перевод! – решительно заявила Элина.

– Как скоро?

– Чем быстрее, тем лучше.

Богдан предупредил:

– Но это конфиденциально!

– Переведу, но не раньше завтрашнего утра! – профессорша забрала бумагу и захлопнула дверь.

Capitolo XIV

Римская империя. 272–274 годы

Алу Констанция усилили дополнительными турмами и приписали к Наиссу. Рядом с городом подготовили место для строительства большого каструма, при котором находилось Марсово поле, пригодное для обучения конницы.

Aniello Falcone – Roman soldiers in the circus, circa 1640

Со времен путешествия в Пальмиру Констанций вынашивал мысли о том, как легкой коннице сражаться с восточными катафрактами. Он затемно выезжал в лагерь и весь короткий зимний день посвящал обучению своих аларисов¹⁷.

Они с Еленой поселились у родителей, и это было несомненной удачей.

В конце февраля ночью Елена проснулась от ноющей боли в пояснице. Давая выпастись мужу, она тихонько лежала рядом, прислушиваясь к толчкам в животе и нарастающим схваткам.

Проснувшись утром, Констанций встретился взглядом с широко распахнутыми глазами жены и сразу все понял.

– Началось?

Елена кивнула, и он немедленно привез в дом врача. Тот велел Констанцию выйти и после осмотра известил:

– Ребенок крупный, будем молиться богам и надеяться на лучшее.

Такое известие спокойствия Констанцию не прибавило. В тот день он рано закончил военные тренировки и вернулся домой до наступления темноты.

Елена ходила из угла в угол и время от времени шипела от боли. Врач и местная повивальная бабка перебрасывались специальными словами, которых Констанций не понимал. Он

¹⁷ Аларис – всадник, служащий в але, конном подразделении.

бережно поддержал жену и помог ей прилечь. У Елены не было сил терпеть, а у Констанция – смотреть, как она страдает.

Ночью акушерка велела отвести Елену в комнату, приготовленную для родов. Закусив до крови губу, она повисла на Констанции и с трудом прошла несколько мучительных шагов.

Врач усадил роженицу на специальное кресло. Констанция выпроводили за дверь.

Собственное бессилие придавило его тяжким грузом. Евтропий положил руку на плечо и подбодрил сына:

– Елена – здоровая и сильная женщина. Мы с твоей матерью принесли жертвы Люцине, покровительнице рожениц, и даже зашли в дом Христа¹⁸, чтобы поставить свечу за благополучные роды.

Спокойный голос отца придал сил Констанцию. Он слышал, как за дверью закричала Елена, и через мгновение послышался плач младенца.

К ним вышел врач:

– Хвала богам, родился мальчик!

Через несколько минут, показавшихся Констанцию вечностью, его проводили к жене, и он присел на край ее ложа.

Елена с трудом открыла глаза и прошептала:

– Сын! У нас с тобой сын!

Повитуха принесла новорожденного, и Констанций взял его на руки; это означало, что отец признал ребенка своим. Младенец орал во все горло и беспорядочно размахивал руками и ногами. Повитуха забрала у Констанция ребенка и положила его рядом с матерью. Елена приложила сына к груди.

Вскоре мать и дитя уснули. Констанций прикорнул рядом, но его отправили спать в другую комнату.

По обычаю, на девятый день после рождения сыну дали имя Константин, и в доме устроили праздник. На тренировке кавалеристы Констанция выстроились на Марсовом поле и хором прокричали: «Аве, Констанций! Аве, Константин!» После чего рождение первенца своего командира они омыли добрым вином.

Первого марта третьего года правления императора Аврелиана малолетнего правителя Пальмирского царства объявили Августом¹⁹, а его мать Зенобия, правившая от имени сына, присвоила себе титул Августы, что было притязанием на власть и вызовом Риму.

Император Аврелиан немедленно объявил войну Пальмире.

В начале весны военные дороги Римской империи заполнились римскими войсками. Легионы и ауксии покинули зимние лагеря и двинулись в Малую Азию. Командирам предстояло переправить пятидесятитысячную армию через Босфор, и только железная дисциплина и планирование операции позволили избежать хаоса при переправе.

Подразделению Констанция было предписано встать лагерем рядом с Дрепаном. Узнав об этом, Елена тоже засобиравшись в дорогу. Ей представилась возможность встретиться с отцом и показать ему внука. Констанций поначалу отговаривал Елену, но потом согласился, и верный Ориген стал готовить карруку к отъезду.

Далее были недолгие сборы, прощание с Клавдией и Евтропием, и покатила каррука в далекий путь. Гражданские повозки стояли на обочине дороги, пропуская войска. Ала Констанция растянулась на целую милю, догоняя Первый Иллирийский легион. За ней следовали три алы из Далмации. Римское войско приближалось к Византию, туда, где начинался Босфор.

¹⁸ Дом Христа – христианский храм.

¹⁹ Август – священный, божественный титул верховного правителя в Римской империи.

Семья Констанция произвела на его кавалеристов благотворное действие: солдаты не орали непристойных походных песен, а исполняли исключительно героические марши.

На ночь они останавливались в лагерях, построенных уже прошедшими подразделениями. Но однажды пришлось строить лагерь заново. Участок для него выбрали ушедшие вперед военные инженеры. Он располагался на склоне пологого холма недалеко от дороги.

Карруку с Еленой и маленьким Константином установили в намеченном центре. Инженеры очертили внешние границы лагеря, который имел форму прямоугольника, и наметили две пересекающиеся в центре улицы.

Пока часть солдат возводила частокол, копала ров и строила вал, остальные разбивали палатки. На глазах удивленной Елены за пару часов вырос палаточный городок с аккуратными рядами «домов», защитными укреплениями, прочными воротами и площадью, которую окружили шатры офицеров. По окончании строительства по лагерю разнеслись запахи пищи: у каждой палатки на костре готовился ужин.

Маленький Константин хорошо переносил походную жизнь: прекрасно спал и с аппетитом ел. Спустя несколько лет родители ему рассказали: в свой первый военный поход он отправился в возрасте одного месяца.

Lawrence Alma-Tadema – An Earthly Paradise (detail)

Уже через три недели каррука въехала во двор мансио «У трех дорог». Констанций спрыгнул с коня и помог сойти на землю жене, которая держала на руках сына. Работавшие в кузнице Иосиф и Теодор бросились к ней. Встреча была неожиданной и оттого необыкновенно счастливой.

Констанцию пришлось отлучиться к своим кавалеристам, а Теодор, Елена и Константин отправились в дом, чтобы отдышаться с дороги и вдоволь наговориться. Однако долго беседа не продлилась, вновь прибывшие военные потребовали к себе хозяина мансио.

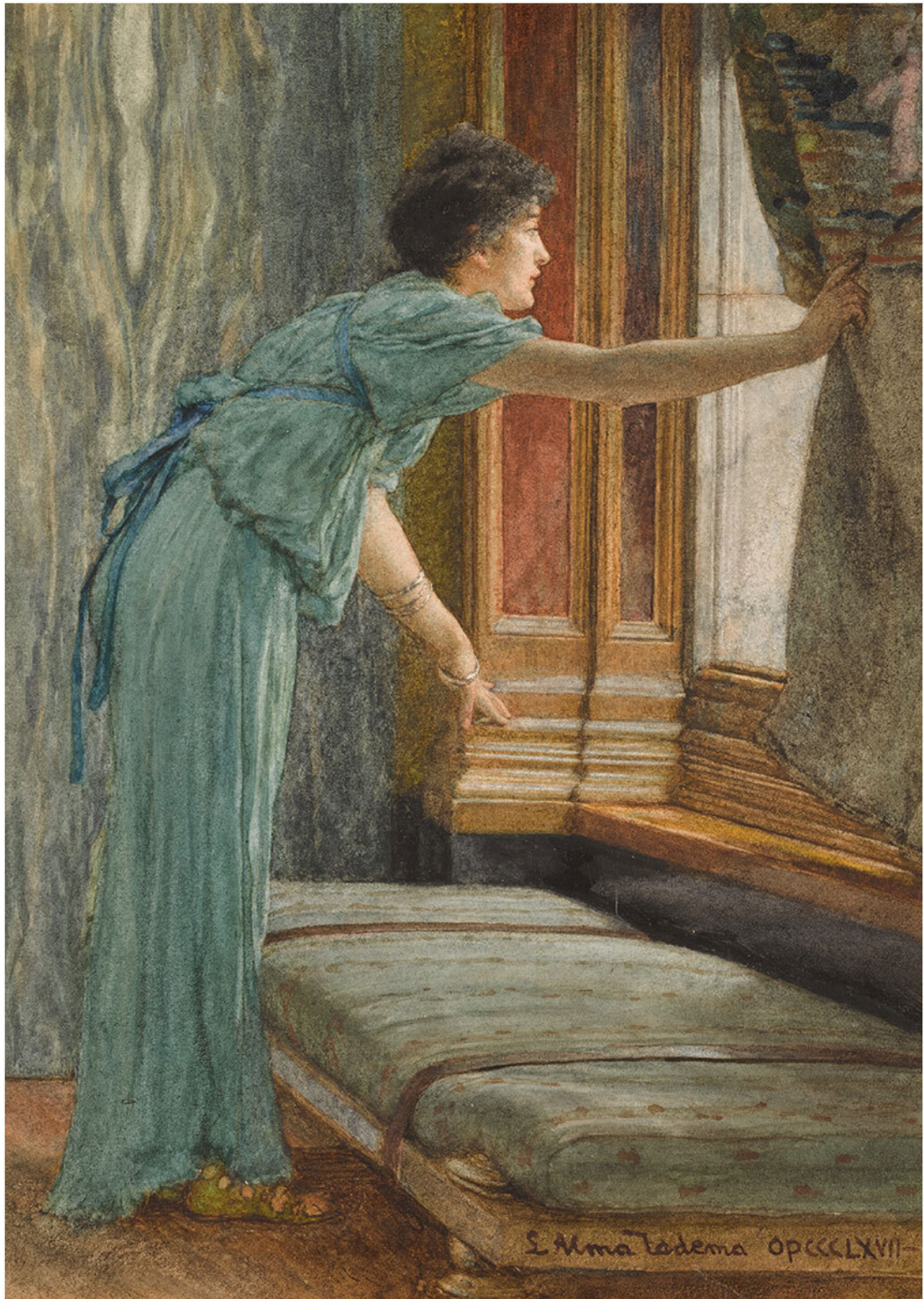
Два офицера-преторианца с непроницаемыми лицами ожидали Теодора в таверне. Один из них развернул свиток с государственной печатью и прочел вслух:

– Указ императора Аврелиана. Мансио «У трех дорог» реквизируется для нужд армии на три дня, начиная со следующего полудня. Все постояльцы должны покинуть гостиницу, обслужа и хозяин остаются.

Назавтра в полдень преторианская конница заполнила мансио и оцепила дорогу, ведущую к нему. Это могло означать лишь одно: здесь ждут высоких гостей.

Когда во двор мансио завернул небольшой отряд всадников в богатых доспехах, ворота тут же закрыли и поставили возле них стражу.

Из окна своей комнаты Елена с любопытством наблюдала за происходящим и понимала, что в мансио пожаловали командиры легионов. Значит, пригодилась ее пристройка, убранство которой она продумала до мелочей.

Lawrence Alma -Tadema – Expectation, 1868

Тем временем у Теодора голова шла кругом: такого нашествия пеших и конных постояльцев гостиница не переживала никогда. Это была серьезная проверка для терм, которые топили с утра до ночи, и для кухни, где огонь в печах не угасал ни на минуту. Дорсия и ее сын-повар превзошли самих себя, и к ночи падали от усталости.

Командиры ужинали в триклинии. Пир продолжался несколько часов, когда к Теодору пришел преторианец и сообщил, что хозяина ждут высокие гости.

Теодор вошел в помещение, рассчитанное на девять пирующих, но гостей было намного больше, и к столам приставили стулья. В самом центре возлежал крупный человек с поразительно знакомым лицом. Его профиль Теодору доводилось видеть на монетах. Он сразу понял, что сам император Аврелиан оказал ему честь своим визитом.

– Подойди ко мне поближе, гостинщик, – Аврелиан выждал, пока Теодор сделал несколько шагов, и продолжил: – Твои повара угодили мне и моим офицерам. Секретарь выдаст тебе награду.

Теодор с достоинством преклонил голову:

– Благодарю тебя, верховный командующий.

– Как ты меня узнал? – удивился император.

– Видел твой профиль на монетах.

– А почему твое лицо кажется мне знакомым? Погоди... Да ты же Теодорус Непобедимый! Вот где ты прячешься!

– Я не прячусь, я здесь живу.

Аврелиан громко расхохотался.

– Эй, Валерий! Проверь-ка, так ли непобедим гладиатор! Дайте Теодорусу меч!

С ложа поднялся рослый офицер, который, хоть и выпил, но твердо держался на ногах.

Валерий вытащил из ножен спату. Теодору подали меч.

Гости зашумели:

– Здесь мало места!

– Выходим в атриум!

Услышав крики, Елена открыла ставень и увидела, что во дворе в окружении офицеров с обнаженными мечами стояли двое. В свете факела Елена узнала в одном из бойцов отца.

На ее глазах Валерий ринулся в бой. Теодор вполне мог ткнуть противника мечом, но аккуратно ушел в сторону. Преторианец атаковал еще безрассуднее, и гостинщик толкнул его в пах ногой. Валерия отбросило назад, и он едва не упал. Теодор не стал нападать, ждал, когда противник придет в себя, потом сделал выпад, который Валерий отбил без труда. Теодор усложнил атаку, давая преторианцу возможность продемонстрировать свою технику и превосходство.

Несколько раз окружившие их офицеры замирали, а потом выпускали вздохи облегчения. Теодор мастерски держал их в напряжении, Валерий же, напротив, еле дышал. На нем сказывались выпивка и плотный ужин.

В первый раз Елена видела бой на мечах. Ей было страшно за отца, тем не менее она не отводила глаз от этого опасного и завораживающего танца.

Пришло время, и Теодор завершил бой: ловко выбил меч из руки преторианца, потом уронил свой.

Все решили, что победа принадлежит Валерию.

И только император нахмурился. Он точно знал, кто победил в этом бою.

– Дайте мне меч! – крикнул Аврелиан и властно посмотрел на гостинщика. – А ты подними свой!

Вокруг стало тихо, и в следующее мгновение противники сшиблись в одновременной атаке. Их схватка была яростной и стремительной, они закружились в мелькании и звоне мечей. Теодор бился с воином, не уступавшим ему в быстроте и умении, прощупывал его оборону, искал изъяны в атаке. В конце концов сумел подставить свое предплечье, и кончик спаты Аврелиана чиркнул его по коже. Это был старинный гладиаторский трюк – рана пустяковая, но кровавая.

Елена охнула и заметалась по комнате. Бой прекратили за явным преимуществом императора. Аврелиан больше не хмурился и был вполне доволен собой. Но больше всех был рад Теодор. Военный врач выступил из ряда зрителей и быстро перевязал его рану.

– Впервые встретил бойца, равного себе! – провозгласил император.

– Для меня великая честь сразиться с тобой, Manu Ad Ferrum²⁰, – сказал Теодор.

Аврелиан внимательно взгляделся в его лицо:

– Твой мансио – образец порядка. Ты мог бы сделать блестящую военную и государственную карьеру.

Теодор сообразил, что император ждет от него ответа.

– Мне не нравится убивать, и я не публичный человек.

– Странно слышать такое от бывшего гладиатора!

– Что было, то прошло, – был молод и нуждался в деньгах.

Помолчав, Аврелиан заключил:

– У тебя есть дочь. Она большая умница. Думаю, это твоя заслуга. Мне нужны такие римляне.

Следующим утром Аврелиан собрал командиров кавалерийских подразделений в своем триклинии. Среди прочих выделялись смуглые бородатые офицеры из Мавритании, взамен железного доспеха они носили кожаный панцирь. Констанций тоже был там.

Император Аврелиан заговорил:

– Вокруг Дрепана я рассредоточил десять конных ауксилиев, чтобы вы познакомились и обменялись опытом. Даю вам на это два дня. Послезавтра мы выступаем. Вам предстоит сражаться против тяжелой конницы.

Однако помимо совещания в Дрепане у Аврелиана было еще одно важное дело. Вечером в кабинете императора появился вигил Модест Юстус. Аврелиан сделал знак, и секретарь вышел.

Мужчины обнялись, и Аврелиан спросил:

– Как ты оказался в этом захолустье? Я искал тебя среди командиров кавалерии!

– Мне нравится это захолустье, хорошие люди и здесь встречаются.

– Например, Теодорус Непобедимый? – поинтересовался Аврелиан.

– Ты узнал его?

– И даже в паре с ним поработал – руку слегка пометил.

– Крови было много? – с ухмылкой поинтересовался вигил.

– Что?! – вознегодовал император. – Ты хочешь сказать...

– Его гладиаторские штучки. Зачем ты меня позвал?

– Меня интересует Зенобия. Рассказывай все, что знаешь.

Модест Юстус помолчал, сосредоточился и, наконец, заговорил:

– Пять лет назад меня призвал к себе император Галлиен и приказал отправиться в Пальмиру, чтобы предупредить царя царей Одената о заговоре против него.

При этих словах вигила Аврелиан усмехнулся:

– На Востоке говорят: «Старые дураки глупее молодых».

– Пришлось скакать по сто миль в день, но я опоздал, добрался до Пальмиры, когда убитого Одената уже предали огню. Во дворце царила неразбериха, заговорщики делили трон. Я потребовал отвести меня к единственной законной правительнице, вдове Одената Зенобии. Тогда ее судьба была незавидной: сыну грозила смерть, а дочерей и ее саму в лучшем случае местные купцы взяли бы младшими женами.

– Говорят, она красивая женщина, – сказал император.

²⁰ Manu Ad Ferrum (лат.) – буквально: Рука на мече, прозвище императора Аврелиана.

– Когда я увидел Зенобию, то влюбился сразу и навсегда. Мало того, что она божественно красива и ее не сломила смерть мужа, она была готова бороться за власть. Мы разработали план, и я связался с ее отцом Забдой, который командовал катафрактами. Под его руководством катафракты окружили дворец, перебили всех заговорщиков и освободили Зенобию.

– Женщина должна была назначить преемника и сойти с трона, – назидательно заметил Аврелиан.

– И я был того же мнения, – с горечью проронил Модест Юстус. – Поэтому попросил ее стать моей женой и уехать со мной в Рим. Она дала согласие, но все же выбрала власть.

Аврелиан прервал вигаил вопросом:

– Что за письмо ты получил от нее при странных обстоятельствах?

– Констанций привез его из Пальмиры. В письме было послание для тебя. Уверен, что тебе его передали.

– Теперь мне нужна твоя помощь. Модест, тебе придется поехать со мной.

– Аврелиан, поклянись, что не убьешь ее! – с жаром воскликнул вигаил.

На что император ответил:

– Клясться не стану. Однако сделаю все, чтобы сохранить Зенобии жизнь.

Констанций смог улучшить минуту, чтобы повидаться с семьей. Прощание было недолгим. Елена надела ему на шею медальон, серебряную рыбку, в которую вложила две пряди волос – свою и сына.

– Я буду молить за тебя Иисуса, любимый!

Он в последний раз взглянул на жену, на сына, который улыбался ему беззубой улыбкой. Обвел глазами комнату, где было все таким близким, но скоро станет далеким. Впереди его ожидала долгая военная дорога.

Римская армия маршем прошла через провинции Галатию²¹, Каппадокию и споткнулась на Тиане, крепости, которая закрыла путь на побережье Киликии²².

Император Аврелиан был в бешенстве: жители города отважились обороняться всерьез. Обозы, как всегда, отставали, а с ними отставали стенобитные машины. Осада грозила затянуться.

Он в гневе мерил шатер шагами.

– Ни одной собаки не оставляю в живых, когда возьму этот город!

В один из таких моментов к Аврелиану явился офицер из охраны:

– Верховный командующий! К лагерю пришел горожанин. Он требует, чтобы его провели к императору.

– Давай его сюда!

Охранник привел в шатер темноволосого юношу, который, пряча за гордостью страх, высоко держал голову.

– Я Геракламмон, гражданин Тианы. Мой отец – член городского совета Ипатий.

– Зачем ты пришел?

– Совет не хочет, чтобы гибли горожане и вы разрушили город. Я покажу тебе уязвимую часть крепостной стены. Но ты, император Аврелиан, поклянись на алтаре Непобедимого Солнца, что сохранишь Тиану в неприкосновенности!

Тяжелым взглядом смерил Аврелиан незваного гостя, сжал челюсти, будто не хотел, чтобы напрасные слова сорвались с его губ.

И все же император велел установить алтарь и позвать жреца.

²¹ Галатия – римская провинция, которая располагалась на территории Малой Азии (современная Турция).

²² Киликия – римская провинция, которая располагалась на территории юго-восточного побережья современной Турции.

Этой же ночью группа легионеров тайно проникла в Тиану и открыла крепостные ворота. Войска Аврелиана вошли в город. Грабеж и насилие были запрещены под страхом смертной казни. Солдаты роптали, но им выплатили значительную сумму из городской казны.

Утром на стене тианского форума был вывешен приказ Аврелиана о казни предателя Геракламмона, сына Ипатия.

Констанций увидел приказ, когда проходил через запруженную народом площадь. Он вспомнил свой давний разговор с ткачом Ипатием и, растолкав плечами горожан, бросился в ставку императора.

К Аврелиану он ворвался с болезненным возгласом:

– Нельзя допустить казни Геракламмона! Он не предатель!

– А кто же он? – холодно спросил император.

– Полтора года назад, когда я проезжал через Тиану разведчиком, мне довелось говорить с Ипатием, отцом Геракламмона. Я убедил его в том, что империя возродится под управлением Аврелиана и Тиана не должна оказывать сопротивления своему императору! Казни меня вместе с Геракламмоном!

– Если настаиваешь, можно и казнить. – Аврелиан безразлично глядел в сторону.

Констанция выдворили из шатра. Тем не менее император продиктовал секретарю приказ тайно вывезти Геракламмона и его семью в Анкиру²³, под патронаж городского совета.

Дорога на Киликию и дальше, на Сирию, со взятием Тианы была открыта. Слухи о справедливом и милостивом императоре делали свое дело, города не оказывали сопротивления, и армия их не грабила.

Начало лета выдалось знойным. Войско Аврелиана, состоявшее из пяти тысяч единиц легкой кавалерии и тридцати тысяч отборной пехоты, приближалось к Антиохии.

Разведчики донесли, что армия Забды, мятежного отца Зенобии, занимает выгодную диспозицию и ждет Аврелиана на севере Антиохии. В ответ император предпринял обходной маневр, планируя ударить с востока. Но Забда выдвинул навстречу своих катафрактов.

На совете Аврелиан предложил хитроумный план: в начале боя, после первого фронтального столкновения, легкая конница римлян должна имитировать отступление, увлекая в погоню тяжелых катафрактов. Когда погоня максимально вымотает противника, римляне развернутся и вступят в бой, окружая противника с флангов.

И вот наступил день сражения. Конный отряд Констанция, растянувшись цепью, шел в авангарде. За ним следовали кавалеристы Далмации, с флангов – конница мавританцев.

Солнце палило нещадно. Констанцию в легком доспехе было жарко, и он отлично понимал, как чувствуют себя закованные в железо катафракты. На это и был расчет, когда несколько дней назад он изложил свою идею Аврелиану.

Вдали показалось облако пыли – это приближалась вражеская конница. Спустя минуту из серой пелены навстречу римлянам вырвались кони и верховые, целиком закованные в броню.

Сблизившись, Констанций увернулся от вражеского дротика и боковым зрением оценил, как держат удар его ребята. Кто-то из них пал, и лошадь поскакала без седока. Послышалось улюлюканье мавританцев, и мимо Констанция пролетел аркан. Всадник, что мчался навстречу, тут же слетел с коня. Констанций нанес боковой удар катафракту, но в этот момент настойчиво запела труба: «Уходим, уходим».

Римская кавалерия пустилась в бегство вдоль дороги, ведущей к городу Иммы. Бешеная скачка под злым июньским солнцем продолжалась до тех пор, пока железные катафракты не начали отставать. И тогда труба пропела: «В атаку».

²³ Анкира – современная Анкара, столица Турецкой Республики.

Римская конница резко развернулась, зашла с обоих флангов и окружила противника. В страшной неразберихе катафракты теряли тяжелые копья, их легко вышибали из седел, они гибли под копытами своих и вражеских лошадей. Избиение продолжалось более двух часов, по истечении которых пятитысячный отряд тяжелой пальмирской конницы прекратил свое существование.

Aniello Falcone – Battle scene, between 1630 and 1665

Битва при Иммах была выиграна римлянами, Антиохия приветствовала Аврелиана, однако война продолжалась, и войска Забды ушли к Эмесе. Там основные силы тяжелой конницы и мощной пехоты готовились дать решающее сражение римлянам.

Переживший эту битву Констанций описал ее в письме к Елене:

«Мы были близки к поражению. Многие из моих товарищей нашли смерть в Сирии, и я впервые в жизни подумал, что люди обязаны бороться за власть мирно. Сирия и Пальмира – части Римской империи. Мы не должны истреблять друг друга в гражданских войнах».

Император Аврелиан рискнул – и выиграл, но тяготы сражения при Эмесе легли на плечи его легионов и поредевшей конницы. Потери пальмирцев были несоизмеримо большими, и они отступили к своему последнему оплоту – Пальмире.

Это был красивый торговый город, живущий широко и свободно. Он не имел серьезной защиты в виде замкнутых стен, и его ворота носили скорее декоративный характер.

Аврелиан окружил Пальмиру, но не предпринимал попыток штурма, а лишь исследовал ее оборону.

Во время такой разведки Модест Юстус под видом купца проник в осажденный город. Темной улочкой он прошел к неприметной двери в стене, взялся за бронзовое кольцо и ударил условным стуком, который не забыл за пять долгих лет.

Дверь сразу распахнулась, и Модест шагнул в сад. Стражник ни о чем его не спросил, повел по дорожке, обрамленной цветущим кустарником. У крытой галереи стражник остановился и пропустил вигила вперед. Модест Юстус толкнул дверь, узкий коридор привел его к лестнице. Поднявшись на второй этаж, он вошел в богато убранную комнату.

Зенобия сидела на ковре за низким столиком и читала свиток. Увидев Модеста, она легко поднялась.

– Знала, что ты придешь. Но думала, что это случится намного раньше.

– Какой же я глупец! – воскликнул он, обнимая любимую.

– Мне не спастись, но я счастлива, что перед смертью встречу с тобой.

– Прежде Аврелиану придется убить меня!

– Мой отец подготовил побег в Парфянское царство. Следующей ночью на Евфрате нас будут ждать лодки.

– Забде не остаться в живых. Тебе придется довериться мне.

Модест Юстус задержался во дворце до утра и смог убедить Зенобию выдать то место, где ее будет ждать Забда со своим отрядом.

Аврелиан и Модест подготовили там засаду, но в последний момент отец Зенобии заподозрил предательство и решил, что его отряд покинет город другим путем. Засада оказалась напрасной, и погоня смогла настичь беглецов лишь на второй день.

Падение Пальмиры было предрешиено. Царица Зенобия оказалась в полной власти Аврелиана. Ее генералы и советники были казнены, она же сама – помилована.

Giovanni Battista Tiepolo – Il trionfo di Aureliano

Зенобию провезли трофеем по главным городам бывшего Пальмирского царства. В этом скорбном путешествии ее поддерживал и сопровождал Модест Юстус.

Впоследствии им было разрешено поселиться в небольшом поместье Модеста, неподалеку от Рима.

В ноябре, завершив Пальмирскую кампанию, армия Аврелиана отправилась во Фракию воевать с племенами карпов²⁴. По дороге туда Констанций сумел навестить в Дрепане свою семью.

Короткое счастье Елены длилось всего одну ночь. Утром упитанный младенец с пристальным взглядом с удовольствием сидел на руках отца, исследуя пальчиками его блестящую броню. Констанций передал сына Елене, вскочил на коня и вскоре исчез из виду.

²⁴ Карпы – фракийское племя из области Восточного Прикарпатья.

Война была близко – через Босфор. Опасаясь осады, Елена и Теодор сделали закладку в тайник под кузней: спрятали на черный день мешочек серебра и несколько амфор с зерном, вином и оливковым маслом.

Елена получала редкие письма от Констанция. Каждый раз они приходили из разных мест: из Фракии, Галлии, Египетской Александрии. Последнее письмо пришло в октябре пятого года правления императора Аврелиана. В нем сообщалось, что Констанций ждет Елену и сына в Риме.

Capitolo XV

Эгейское море.

Лайнер «Олимпик». Наше время

На обеде Нинель Николаевна не появилась, впрочем, как и на завтраке. Лидия на вопрос о бабушке ответила, что та работает над каким-то документом.

Богдан и Элина переглянулись, наверняка понимая, о чем идет речь.

– Завтра в полдень «Олимпик» прибудет в Тель-Авив, – сказал Теофилус Чезарини. – Надеюсь, никто из вас не пропустит поездку в Иерусалим. В этом городе случилось величайшее чудо – Воскрешение Христово.

Все вежливо закивали, давая понять, что поедут в Иерусалим, и только Ердын Экинджи заговорил. Он был по обыкновению многословен, однако на этот раз выдал полезную информацию.

– Сейчас в Храме Гроба Господня идет реконструкция часовни. Состояние кувуклии²⁵ сильно ухудшалось, а представители конфессий никак не могли договориться. И вот наконец свершилось – начали реставрацию.

²⁵ Кувуклия – небольшая купольная часовня в центре Ротонды Храма Воскресения Христова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.